

ОБУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

ГАСПАР БИРО

Наибольшая опасность которая стоит перед нашей темой, это рассмотрение ее как предмета для начинающих.
Сэр Альфред Циммерн, 1935

Создание в 1919 г. кафедры "Международных отношений" Вудро Вильсона в Аберистуитском университете в Великобритании – старейшей из кафедр по данной специальности – обозначило идентификацию новой академической дисциплины. В последующие годы создавалось все большее число подобных институтов в университетах США и в специализированном институте в Женеве, штаб-квартире Лиги Наций. На сегодняшний день планирование, не говоря уже об общей оценке глобального сотрудничества кафедр, институтов и других научных аккредитованных учреждений, в том числе обзоров, регулярных конференций и т.д., требует серьезного учреждения, которое при условии наличия лучших ресурсов все еще не способно произвести существенную и исчерпывающую оценку. Недавнее исследование, имеющее непосредственное отношение к нашей теме (проведенное в 10 странах мира), показало нам что

Значительное меньшинство ученых работающих в сфере МО по всему миру, преподают курсы сравнительной политологии и международных отношений относительно их функционирования в том или ином регионе. Эта тенденция больше всего проявляется в Израиле, Южной Африке и Сингапуре; больше в Новой Зеландии, Гонконге, США, Австралия и Великобритания, и слабее, но все еще значительно, в Ирландии и Канаде¹.

Говоря о международных отношениях (МО) в нашем регионе, Восточной и Юго-Восточной Европе, они переносят трудности в данный момент и иногда требуют компромиссов. Я имею в виду обсуждение темы с максимально возможной аудиторией, в том числе преподавание его в качестве предмета в университетах под этим названием или подобным ему, или обсуждение этого публично, например, в определенных средствах массовой информации готовы предоставить пространство для таких дискуссий. Я упускаю в данном случае вопрос об индивидуальной или коллективной мотивации аудитории и считаю само собой разумеющимся, что некоторые люди имеют экзистенциальный интерес, к изучению МО самостоятельно или в лице представителей различных организаций, в том числе конкретного государства. Этим проблемы не ограничиваются: отсутствуют хорошо обеспеченные библиотеки и традиции в обучении и исследованиях, относительно небольшой круг заинтересованных лиц и тому подобное. Это также важно.

Одна из возможностей это принятие лексики традиционных британских и американских школ МО 20-го века. Это значит, преподавание его ученикам, а также использование его в объяснении конкретных ситуаций и прогнозировании грядущих событий. Если производится общий прогноз, например состояние мира в целом, то этой конкретной лексики вполне достаточно. Но как же объяснить, выбор внешнеполитических целей в вашей стране, особенно, если страна является слабым государством? ²Как бы вы определили национальные интересы, такой страны в глобализированном мире? Имеют ли слабые государства национальные интересы вообще, так как, согласно теории реалистов, такие понятия существуют только в терминах власти?

¹ Одна дисциплина или много? TRIP обзор факультета международных отношений в десяти странах. Ричард Джордан, Даниэль Малиньяк, Эми Оукс, Сюзан Петерсон, Майкл Дж. Тирни. Проект Обучение, исследование, и международная политика (TRIP). Институт теории и практики международных отношений. Колледж Уильяма и Мэри Вильямсбург, штат Вирджиния. Февраль 2009 года.
http://irtheoryandpractice.wm.edu/projects/trip/Final_Trip_Report_2009.pdf

² Под слабым государством, я имею в виду то, не может самостоятельно гарантировать свою же безопасность, и кроме того, экономически уязвима от взлетов и падений мировой экономики.

Само собой разумеется, что преподавание традиционных международных теорий имеет смысл в учебных заведениях во всех странах, где это необходимо. Студенты должны уметь интерпретировать политические стремления других государств, и понимать, что монополия на международных дискуссиях, создает и формирует - среди прочего - большую привилегию власти.

Существует общее мнение, что теории МО продукт прошлого века. В рамках академической номенклатуры это правильно, но возвращается так далеко во времени, к цитатам Фукидида или Сунь-Цзы, Макиавелли и Гоббса, чтобы прийти к выводу, что в 18-м, и особенно в первой половине 19-го века, образованные люди знали и писали практически все о отношениях между установленными политическими единицами (будь то города-государства, империи, царства, или государства-нации). Список можно долго продолжать, начиная с сознательного сохранения (демократического) мира, баланса сил и реальной политики, от ограниченных войн к тотальной войне, и так далее. Возрождение и применение старых теорий относительно текущих событий, их языков и словарей, является однако, рискованной операцией, как например, судьба взглядов Гегеля на государство в 19 и 20 веках.

За последние сто лет было создано теории и словари по МО в соответствии с новыми реалиями ведения войны, глобальным кризисом, расширением международных организаций и т.д. Сказав это, я должен отметить также, что доминирующие теории МО 20 века, и их язык не производят оригинальные и приемлемые результаты. Нет ничего подобного жизнеспособной альтернативе и убедительной "решетке лекций", хотя некоторые значительные усилия в этом направлении были сделаны в франкоязычных странах. Адаптация к местным потребностям может привести к гротескным последствиям; иногда разочаровываешься, иногда забавляешься слыша как руководство небольшой страны дает свое видение относительно международных дел, используя терминологию принадлежащей дискуссии власти "большой страны".

Далее я попытаюсь кратко описать некоторые сложности в обучении МО следуя теориям, которые стараются избегать вариантов, изложенных в предыдущем пункте, подчеркивая при этом претензию сделать изучение МО более привлекательным, убеждая студентов в его полезности, и необходимости выбрать карьеру в сфере международных отношений. В настоящее время, я не думаю, что что-то неслыханное до сих пор, может так уверенно быть использовано в утверждениях сегодня. Что остается ясным для меня, так это что в данной области, как и во многих других областях, есть *décalage* или временной лаг между "западом и остальным миром". И как это можно обойти, потому что это безусловно рано или поздно произойдет, я не знаю.

Потому что проблем - в особенности с уровнем преподавания в колледжах и университетах - достаточно много, и поскольку их более подробное рассмотрение практически невозможно, я остановлюсь на двух вопросах: проблеме универсальности / универсализма / глобализма, и вопросе о политическом дискурсе и соответствующих словарях. Для рассмотрения этих вопросов определенного уровня абстракции недостаточно - это может поощрить тех критиков, которые утверждают, что преподавание в этом регионе направлено на изучение теории, предлагая менее практические знания. Это, конечно верно. Тем не менее, прагматичный подход легко может превратиться в "беспринципный прагматизм", характерный для проведения внешней политики в бывших зависимых государствах: "это факты, и мы просто должны полностью им соответствовать", что бы это ни значило. В любом случае здоровый баланс между теорией и практическими знаниями должен быть сохранен, как утверждает искусство компромисса в международных переговорах.

Универсальность / универсализм / глобализм

Эти понятия не являются синонимами, и это не исследование о них. Важно то, как они понимаются и толкуются в определенных регионах. Определения данные ниже, взяты из широко используемых словарей. Основной их смысл, подчеркнуть только то, что они действительно не взаимозаменяемы³. В этом регионе данные понятия часто путают. Чтобы показать это, я буду использовать три эти слова, в подзаголовках, разделяя их косой чертой.

³ Универсальность согласно одному из словарей: состояние универсальности, то есть присутствие везде и все время; мирской, общий. Словарь Вебстера 1913 года определяет универсальность, как: «качество или состояние универсальности, неограниченное временем или формой; всеобщее, - отличающееся определенной спецификой; как, универсальность предложения; универсальность греха; универсальность потопов". Согласно того же источника универсализм означает «учение или веру, что все люди будут спасены, или счастливы, в будущем государстве». Краткая энциклопедия Britannica пишет, что «универсализм является верой в спасение всех душ, возникшей еще во времена Оригена в различные периоды христианской истории, концепция

Допустим, в качестве рабочей гипотезы, что одна из наиболее серьезных проблем в первом десятилетии 21-го века по-прежнему - динамика любого оратора или писателя, независимо от принадлежности или непринадлежности к господствующей тенденции, которая должна представлять общее мнение в отношении вопроса универсальности в МО. Трудность состоит в том, что различные "универсализмы / универсалии", будь то религиозные, философские, моральные, политические, институциональные, или даже более прозаические, такие как финансово-экономические, за последние два десятилетия слились в неопределенную "композиционную универсальность", заявив, не только то, что все в мире взаимосвязано, но также, и то что, механизм их работы на сегодняшний день является идеальным положением дел в мире. В то же время нормативный подход обещает что-то хорошее для всех и каждого, для меня и тебя, то есть "мы", а также "их" включено.

Хотя утверждения о взаимосвязанном мире передавались в течение тысячелетий не один раз (вспомните только Гераклита), технологический прогресс создал к настоящему времени другое восприятие (частично при поддержке реальности), которое указывает что взаимозависимость доступна "по измерению карманного устройства" и может быть использована для мгновенного обслуживания индивидуальных, групповых или корпоративных интересов. Предполагается, что взаимозависимость, как эффект «революции» в области информационных технологий уже не является концепцией описывающей состояние мира, она описывает саморазвивающиеся трансперсональные сущности. Она живет под разными названиями, как кибер-пространство или виртуальное пространство; места для фантазии много.

Мир, однако, с конца девяностых годов прошлого века вступил в нечто, что я бы назвал новой технологической цивилизацией, основанной от генетики, нанотехнологий и искусственного интеллекта, доменов, которые "перевариваются" и творчески превращаются в пики бывших фаз, то есть инженерные, космические и информационные технологии. То, что существовало в прошлых веках в области эзотерики и магии, в настоящее время, и в будущем все больше и больше будет базироваться на коммерческой основе, доступной для личного пользования. Следующая остановка это радикальная трансформация человеческого тела и, возможность продлить жизнь.

Уже устаревший вопрос, однако, все еще находящийся на повестке дня: кто, что, когда и как выигрывает от всего этого, или с другой стороны, как настоящие проблемы или потенциальные негативные последствия будут распределены, кто получает защиту, и как? Контроль над территориями, народами и ресурсами, распространяется не только на виртуальное пространство, он побеждает шаг за шагом невидимые компоненты сущности. Тем не менее основная проблема - для нас - по-прежнему продолжает быть открыто политической, утверждающей что иерархии в результате должны быть стабилизированы на уровне человечества, а не государства, империи, или группы компаний или других официальных лиц, как международная организация.

Теперь мы возвращаемся к нашему вопросу: как проблемы, связанные с универсальностью / универсализмом и т.д., должны рассматриваться на региональном или государственном уровне? В конце концов: универсальность или универсалий МО, или в МО? Мы можем минимально предположить, что политически только одно имеет значение: сверхдержавы, или, как это называли в прошлом, универсальность политики с позиции силы. В большей части 20-го века, термин глобализм, а не универсальность / универсализм, использовался для обозначения внешней политики с глобальными целями, или, по словам Р. Арона, как создание миротворческой универсальной империи (*la paix par l'empire*). Позже была описана концепция, вытекающая из ограниченного спектра средств и факта, что после 1945 года произошли два конкурирующих глобализма. Доброкачественный большой универсализм власти все еще будет организован вокруг поддержания международного (мирового) мира и безопасности на основе межгосударственного сотрудничества и афферентной международной организации (организаций), менее милостивый, и будет стремиться к мировому господству. Из региональных, и особенно из слабых государственных перспектив, возможен ли мир

превратилась в организованное движение в Северной Америке в середине 18 века. Она поддерживает невозможность того что любовь к Богу дарит спасение только части человечества в то же время обрекая остальных на вечное наказание ». Они подчеркивали полезность основательности в религии и модификации веры во имя развития науки. Таким образом, чудотворные элементы традиционного христианства отталкивались, и Иисус, как достойный учитель и модель, не считался божеством. Глобализм, в соответствии с широко читаемой Википедией Английской Свободной Энциклопедией « может иметь по крайней мере два различных значения. Одно размещает интересы всего мира выше интересов отдельных стран. Другое рассматривает мир, как соответствующую сферу для того, чтобы одна из наций развивала политическое влияние ».

во всем мире без де-факто гегемона доминирования той или иной великой державы, он может сохраняться в течение длительного времени, несмотря на все словесные заверения в обратном.

В глобальном контексте, доминирование имеет гораздо более широкое содержание, чем правила или (глобальное) управление. И это является одним из сложнейших элементов. Императорская практика после своего господства, оказалась среди других из-за военного правления. Воспоминания о Австро-Венгерской, Русской и Османской империях, не говоря уже о Третьем рейхе, а затем и Советском Союзе, заставило людей с предосторожностью относиться к такой форме правления, особенно старшее поколение, которое слыша эти слова и все связанное с ними бросается в дрожь. То что глобализация является позитивным явлением было одним из доминирующих мнений в 1990-х годах, в то время как само это слово, как красный платок для тех, кто утверждает, что представляют проигравших, реальных или мнимых. Однако, есть большое "но", которое возникло после 2008 года. Финансовый кризис и его последствия серьезно умноженные недоразумениями, связанными с универсальностью, универсализмом и глобализацией, воспринимается как глобализм.

Беспрепятственное передвижение товаров, идей и людей, безусловно, может иметь, каковым оно действительно было, универсальный эффект, но количество людей, остающихся без преимуществ процесса намного выше - это хорошо известно и было доказано много раз за последние десятилетия. Глобализация началась в 1980-х годах в Америке, в отличие от политической универсальности в значительной степени была стихийным процессом, несомненно сознательным, планируемым и систематическим, он добился господства над миром. Глобализация в этом контексте может создать универсальную модель построения, но как средство это как военная техника: интерактивное. Если одна сторона разворачивает наиболее современное оружие, в определенный момент другие тоже будут иметь такое же или еще более совершенное.

Политическая универсальность: бремя сверхдержавы

До поры до времени, кажется почти невозможным убедить аудиторию этого региона, в том что до сих пор было "природным", неотъемлемой силой тенденции универсализма, которая стала обузой в том, что до сих пор называются западным миром.

По религиозному происхождению, как и некоторые из современных ключевых политических концепций, западный универсализм по-прежнему сохраняет свой изначальный смысл: спасение не может быть дано только некоторым, оно даруется "нам всем". В мирском переводе это означает, здесь и сейчас: реализация фундаментальных прав человека, достоинство и ценность личности, равноправие мужчин и женщин, больших и малых наций, создание условий, при которых справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, а также содействие социальному прогрессу и улучшению условий жизни и большей свободе - по крайней мере, как это указано в преамбуле Устава Организации Объединенных Наций 1945 года. Кратко: свобода, справедливость и прогресс стали целями универсальной политики, без ссылки на какие-либо сверхдержавы.

С наступлением 21 века состояние мира и человечества в целом, и физически, и духовно ухудшилось до такой степени, что формулировка проблем - справедливо воспринимается как глобальная - и ответы обязательно включают в себя универсалистский язык. Проблема "всеохватывающей" идеологии, политики, или средств, не нова. Тем не менее, статус великой державы (сверхдержавы, мировой державы) не только необходим, но, и введен за последние 200 лет в универсалистские взгляды и ему соответствует определенное поведение. Это называлось, как уже упоминалось, универсальной силовой политикой.

Но что, если универсальность власти обречена функционировать в качестве ядра "композиционной универсальности"? Опыт Соединенных Штатов в международных отношениях за последние 20 лет говорит о многом. Как "единственная сверхдержава" Америка вернулась в начале 1990-х, не задумываясь о дерзком универсалистском дискурсе (объявление нового мирового порядка в 1992 году, торговля без границ, бескомпромиссная реализация универсальных стандартов прав человека в девяностые годы, и это только некоторые из важнейших компонентов), в то же время в своих действиях проявили большую свободу и избирательность, из-за внутренних ограничений, а иногда и произвольных политических вариантов. Конечным результатом является то, что США в настоящее время несет ответственность за все зло, в то время как доля ответственности остального мира, к счастью, уменьшается. Широко распространенная критика, часто переходящая в ненависть к Америке и насильственному антиамериканизму. Это трудно понять, так как речь идет о инстинктах, чувствах и предрассудках, или их сочетании. Помимо всех этих форм, в то время как все готовы

поделиться плодами мира и процветания, обещанного уставом ООН и США в качестве основного гаранта, мнения сильно разделяются на пути к достижению этих благ.

Закон непреднамеренных последствий, хитрость разума по Гегелю, продолжает без разбора применяться в международных отношениях. Не трудно согласиться, что при выделении в области МО сферы международной политики, и рассматривания ее как относительно автономной области "существования", подавляющая часть мероприятий, специфичных для данного домена это переговоры: перспективные, основанные на согласии или ссоры, уговоры, угрозы, манипулирование, обман или просто повторение хорошо организованных лозунгов. Дипломатия, это "переговоры" происходящие в концентрированной форме, со своими правилами и афферентной атрибутикой. История дает много примеров, того что переговоры такого типа имеют набор рисков. Человек может быстро стать узником его собственных слов, которые размещают его на определенную траекторию. Иногда слова горячо обсуждаются, новые концепции отвергаются, другие считаются табу, или такими которые используются для отлучения противников. Вербальные преступления или даже неуместная формулировка может перерасти в насилие. Стоит улаживать "политические" переговоры с какой-либо нормативной системой, что всегда являлась чрезвычайно трудной задачей, скрыть недостатки которой на сегодняшний день практически невозможно.

Идея универсальности политики государства рассматривается в исторической перспективе и приводит многих людей (не только в этом регионе), к мыслям о том, что подготовка к следующей войне и международной политике перекрываются, или, другими словами, мир- как это было определено еще в 18-м веке - это период между двумя войнами. Теории баланса сил и пример того как игра была разыграна в Европе на протяжении последних веков еще раз доказывают это. Тем не менее, это не трудно объяснить различным аудиториям этого региона, в особенности то, что на фоне эмпирических данных, обсуждение вопросов войны и приемов ведения войны должно быть ограничено нормативной базой (гуманитарным правом). Что является еще более сложным, так это сделать так чтобы они относились к войне как к одному из институтов международной политики - это означает, что воюющие стороны обязаны соблюдать правила и должны идти на войну в исключительных юридически определенных ситуациях, к сожалению, события сегодняшних дней показывают обратное.

Нормативный мирский универсалистский язык соответствует риску повышения ожиданий пропорционально, и распределяется по всему миру. Советская идеология обещала рай на земле (коммунизм), в то время как различные либеральные доктрины Канта утверждали, что вечный мир возможен лишь при определенных условиях. Теперь, различный религиозный универсализм работает точно так же, утверждая, что спасение должно быть для всех (нормативный аспект), но условия отличаются, а именно то как эти условия создаются (по внешним действиям или индивидуальному поведению), и как произойдет процесс их достижения. Принять мирское мнение не означает предназначить какую-либо роль Бога в этом процессе, все зависит от человека. Это перевод традиционного христианского взгляда, что спасение будет дана, только благодаря личным усилиям и что всегда существует последний шанс.

Что служит различием между разными религиозными универсализмами и современным западным восприятием так это мирские условия прилагающиеся к спасению человека. Последнее развилось к концу 20 века, когда ни одно из условий не было сформулировано по отношению к определенному человеку: например, все мы люди и пользуемся теми же правами только потому, что мы люди. Оно утверждает, что спасение находится в пределах досягаемости здесь и сейчас. Философски это может быть правильным и морально законным правом, но его перевод и осуществление в и через различные институции, будь то государства или международные организации, производится крайне трудно. Большое количество людей разного социального происхождения и положения, этнической принадлежности, расы, языка, пол и т.д., отличаются в их мышлении, менталитете, обычаях, и местных социальных и культурных нормах. На этом уровне, однако, нет никакой разницы между «нами» и «они».

(Невыносимая) легкость слов

Таким образом, словарь мирского универсализма имеет нормативный характер. Лучшим примером является понятие международной нормы, которое уже вобрало в себя международное право в его классическом понимании (договорное право и обычное право), к тому же приняло или просто провозгласило ценности, принципы, специфические стандарты, очертания, рекомендации и мнения указанные в международных организациях. Кроме того, этот дискурс содержит ряд

внутренних противоречий. Квесты за свободу и равенство, являются реальными и законными требованиями, кроме того в течение 20 века были неоднократно названы общезначимыми принципами, которыми руководствуется практика МО. Свобода, как абстрактно так и на практике является дуалистической идеей: свобода от чего-то, угнетения например, и свобода для чего-то, свободы слова, религии и т.д. Равенство как универсальный принцип и право - однородно, и не позволяет каких-либо различий. Вдоль этой линии, один из признанных основных принципов международных отношений, кодифицированный как фундаментальное коллективное право человека - самоопределение народов - оказывалось либо неприменимым, либо на практике был весьма избирательным и дискриминационным.

Как уже упоминалось, международная политика в основном состоит из разговоров. Расширение гласности к происходящему "на арене", иногда мгновенно, в режиме реального электронного покрытия, с одной стороны, а с другой стороны, открытие ранее сильно охраняемых источников для всех заинтересованных лиц, привели к инфляции и изнашиванию ключевых понятий политических словарей. Процесс был катализирован морально сомнительной практикой, которая покрывалась набором нейтральных слов (просто подумайте о страстях, поднятых из-за "гуманитарной интервенции", "ущерба залога", "точечных ударов" и т.д. вызывающих войны и боевые действия), или изменением смысла, традиционно относимый к другим.

Последнее можно проиллюстрировать лучше всего словом «националист». Образованные люди в регионе знали, что в Европе 19 века за несколько десятилетий до 20-го века, быть националистом было в значительной степени вопросом гордости, назначение человека, который любил свою страну и свой народ, и был готов к самопожертвованию. Либеральный принцип национального самоопределения был одной большой универсальной идеей девятнадцатого века.

С другой стороны универсализм выступает как "братство народов и наций", социалистический режим в регионе после второй мировой войны был особенно безжалостным и преследовал те лица, группы и организации, которые были признаны националистическими.

После 1989 года те же люди были проинформированы, что национальное самоопределение находится на повестке дня, что указывало на крах советского влияния в регионе. В то же время, интерпретация этого принципа в 19м веке, то есть то, что каждый народ имеет право на свое собственное государство, привело к болезненным последствиям, например распад бывшей Югославии. Параллельно с началом распада этой страны, «национальный» вопрос стал рассматриваться как растущая угроза для международного и регионального (европейского) мира и безопасности. Политики и организации говорящие сквозь параметры "нации" были внесены в черный список, на этот раз это были западные правительства.

Преподавание современных международных отношений не может обойти эту проблему. Требуется время и хорошо сложенный набор аргументов, чтобы убедить аудиторию - с большим или меньшим успехом - что есть причины и хорошо документированные фактические доказательства накопленные за последние два столетия, о том, что им нужно быть осторожными не только с этим предметом, но и с изменением его международной оценки.

Установление того, кто является националистом зависит не только от того, кто говорит, но и от того, кто „руководит течением“, может быть не достаточно для закрытия вопроса, также это находится на одном уровне с несомненным фактом международной политики: два взаимоисключающие заявления могут быть истинными сами по себе, в зависимости от того, кто ведет переговоры. Проблема интереса в том, что неизбирательное применение и злоупотребление этим термином за последние десятилетия привело к обесцениванию двух ключевых понятий европейской политической мысли и практики: государства и нации. В этом регионе часто понятие "государство-нация" заменяется на "национальное государство", что означает, в принципе, что государство как институт, и его территории, являются исключительной собственностью народа (т.е. большинство этнических групп). Все народы имеют право на свое собственное государство, как гласит теория самоопределения 19го века, и поэтому все они должны представлять свое собственные государства.

"Легкость" этих слов стала "невыносимой" в начале 21 века. У Кундеры человек стал "легче воздуха", как только он был освобожден от бремени. "Абсолютное отсутствие бремени делает человека легче воздуха, (...) его движения так же свободны, как и незначительны", так он писал в первой главе своей книги, озаглавленной "Легкость и вес".

В Западной Европе были ситуации, когда государство уже существовало, а нация появлялась позже - постепенно или сразу, путем аккламации, формирования или создания в пределах своих

границ, как было в Англии или Франции. В Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе нации были первыми, а потом были созданы государства, как правило, нетрадиционными способами.

Государства и нации были на протяжении последних двух столетий координационными центрами политической мобилизации, лояльности, безопасности, культуры и общества в самом широком смысле. Распад и даже исчезновение государства имели место до 1945 года, но народ, благодаря своему языку, традициям, истории, и воле, обеспечивали непрерывность и сохраняли надежду. Потому что после Второй мировой войны принципы территориальной целостности государств и нерушимости их границ стали "неписанной Конституцией" международной системы, территориального статус-кво санкционированного мирными соглашениями и соответствующей политической картой региона, воспринятой как нерушимая.

Шок, вызванный распадом федерации и возрождающейся проблемы национальных меньшинств в 1990-х годах поставили под сомнение доверие к государству и нации, как в целом, так и в определенных регионах, их полезность и даже жизнеспособность.

С прогрессом европейской интеграции в 1990-х годах, понятие государство-нация все больше признавалось на Западе, но не только, как устаревшее. Оно выполнило свою историческую роль и должно быть внесено в архив истории, суждение же пошло дальше. Несколько человеческих катастроф и стихийных бедствий, впрочем, как и финансовый кризис 2008 года поставили под сомнение обоснованность этих претензий. Путаницы больше, чем когда-либо, и она приводит к разочарованию и отчаянию, не принося никакой пользы.

"Легкость" концепции государства и само государство, усугубляется бесхозяйственностью, крупной и мелкой коррупцией, безнадзорностью, злоупотреблением властью, и общим чувством безответственности. Его бессилие "невыносимо", в то время как призывы к единству нации звучат все более и более пустыми. Время потребовало бы тем не менее, уверенных в себе, уважающих себя (что означает уважение и других) народов и стабильных, эффективных государств, работающих на общее благо своих граждан и процветание в регионе.

А так же, обучение и обсуждение МО может помочь в установлении направления и, способствовать поиску смысла ключевых терминов указанных выше.

Словари и языки

Для рассмотрения и дальнейшего решения последней задачи мы должны быть осведомлены о природе и значительных отличия различных способов говорить и писать о МО и о основных политических словарях. Как было отмечено ранее, отказ от существующих теорий МО потребует введения нового понятийного аппарата, организации создания которой в данный момент выглядит абсолютно невозможным. Уже давно известно, что применение радикально другой политической риторики может быть успешным в редкие моменты великих исторических потрясений, но даже в таких случаях старые концепции продолжают существовать еще долгое время. Как и в случае серьезных изменений в системе международных отношений: некоторые элементы старой системы выживают иногда даже и без изменений в новой системе. Один из авторов, занимающийся решением вопроса о политических словарях в МО заявил:

Существует форма путевой зависимости, участвующая в выборе лексики легитимации, конечно, можно попытаться манипулировать принципом снова, но теперь это может быть сделано только с ссылкой на другие существующие наборы концепций и аргументов, и тому подобное. Прежде всего это указывает на то, что изменения возможны, и если да, то лишь постепенно и последовательно. (Потенциальная) податливость морально-политических концепций, из-за которой структурированное действие является проблемой довольно серьезной для международной политической теории, является лишь одним часто остающимся позади в пользу чрезмерно абстрактных рассуждений о природе правосудия или желательности (или возможности) космополитического или коммунитарного управления⁴.

Таким образом, взаимодействие между доминирующим языком МО и политическими словарями, используемыми в повседневной практике необходимо. Актуальные темы иногда формируются в соответствии с языком политики, в то время как политики являются "потребителями" теоретических

⁴ Дункан С. А. Белл, «Язык, Законность и Проект Критики», Альтернативы: Глобальные, Локальные, Политические 27.3, 2002.

результатов - это звучит как излишнее замечание основным практикам обеих сторон. Это может быть не столь очевидно для тех, кто преподает МО в данном регионе.

Во-первых, существует огромная путаница в основной терминологии. Некоторые термины на английском языке могут иметь разные значения в разных местных языках, и наоборот.

Во-вторых, значение может варьироваться от страны к стране. Например: один из актуальных вопросов - автономии национальных меньшинств. (Так как термин "национальные меньшинства" используется в европейских региональных организациях, таких как Совет Европы, я не буду подробно останавливаться на его возможных альтернативах.) Понятие автономии меньшинства отличается в зависимости от того, кто его использует (и, как правило, не приравнивается к суверенитету), кроме того, иногда оно является табу для местного политического дискурса. Отсутствие консенсуса не ограничивается данным термином.

В-третьих, терминологические проблемы способствуют растущему разрыву между теоретическими исследованиями, способом говорить, и ежедневным принятием решений. Это привело лишь к недоразумениям на всех уровнях власти.

Для того, чтобы вкратце проиллюстрировать некоторые дополнительные трудности при обучении МО, связанные с языком и лексикой, будь то на английском языке или на местных языках, я предлагаю следующее. Что касается подхода, один может быть сделан между преимущественно описательным и нормативным языком. Оба могут использоваться на абстрактном уровне, среднем уровне и общих категориях и терминах. Главной особенностью является смешивание различных подходов и категорий. Редко можно найти нормативный текст, написанный исключительно с использованием высоко абстрактных терминов, хотя, как пример, в данном случае можно упомянуть "Закон народов" Джона Ролза. Тема является предметом первой важности для региона, но ее использование в обучении требует определенной степени отрешенности от конкретных региональных исторических и фактических прецедентов или тематических исследований, как Ролс объяснял во введении:

Две основные идеи мотивируют "Закон народов". Первая, это то что злейшие враги человеческой истории - несправедливые войны и угнетения, преследования по религиозным мотивам и отрицание свободы совести, голода и бедности, не говоря уже о геноциде и массовых убийствах - вытекают из политической несправедливости, из собственной жестокости и черствости. (...) Вторая основная идея, очевидно, связана с первой, это то, что когда-то серьезные формы политической несправедливости, было устранено только благодаря социальной политике и созданию только (или хотя бы достойных) институций, но со временем эти враги исчезают⁵.

Конструктивисты имели важную роль, выдвигая на первый план повестки дня исследования МО, среди прочего, вопрос о личности актеров, а также о отличиях этого региона. Опять же, вопрос не может обсуждаться, игнорируя местные примеры, и это затрудняет способ обращения в целом или на уровне абстрактных категорий. Джон Джерард Рагги во введении к своей коллекции исследований по международной институционализации объясняет роль социального конструктивизма в изучении международных отношений, как таковую:

Каков вклад социального конструктивизма в идейно исследовательские программы? (...) Социальные конструктивисты стремились понять полный набор систематических ролей, как нео-утилитаристы. Из-за отсутствия теории социального построения международной реальности, конструктивисты продвинулись в своих разработках частично в манере "босого эмпирика" и частично за счет средств концептуального анализа и полного описания - в дополнение к выражению "понятное разочарование". (...) Главным пунктом пересечения конструктивистских исследований под воздействием причинного убеждения были "эпистемические общины или транснациональные сети"⁶.

Это, конечно, не является текстом для "новичков", как цитируют слова Циммерна приведенные вначале статьи. Также как, и не для начинающих, следующий отрывок из книги по очень важным "агент-структурам" проблем в МО:

⁵ Джон Ролз: *Закон народов*. Кембридж, Массачусетс. Harvard University Press, 1999, 6-7.

⁶ Джон Джерард Рагги: *Построение мирового государства*. Эссе по международной институционализации. London-New York, Routledge, 1998, 18-19.

Помимо внутреннего значения методологических проблем агент-структуры, эта проблема {методологические проблемы агент-структур - ГБ} имеет особое значение относительно критики метатеоретического анализа теорий международной политики. В частности, некоторые исследователи международных отношений призвали к теории, которая эндогенирует, агентства и структуры, характеризующие те теории, которые не соответствуют этому критерию, как дегенеративные. С учетом неизбежной необходимости произвести классификацию, неспособность экзогеннировать все ключевые элементы обоих агентств и структур методологически, является необходимым элементом самой теории, а не в силу самого факта теоретического возрождения⁷.

Если агент-структура комплекса представлена интенсивно дискутируемым вопросом, как например, кто может нести и на каких основаниях транснационального правосудия риск того, что обсуждение и исследование темы будет продолжено.

История играет важную роль в регионе, и это иногда хорошо, иногда плохо. Проблема в том, что здесь не существует единой истории, даже в пределах одной страны. Преподавание нормативной теории не может избежать вопроса о политической ответственности, которая, как история, всегда во множественном числе, обремененная несовместимостью.

Возвращаясь к вопросу языков и словарей, мы не должны упустить тот факт, что социалистические режимы использовали свой дискурс в МО. Требования нового международного экономического порядка, весь словарь анти-империализма, агрессивный, каковым он был, компенсируется разговором о взаимной выгоде, солидарности и братстве и дружественных отношениях между социалистическими странами и их рабочими классами - но больше это не является реальностью. То, что люди научились из всего этого это то, что такой язык был прикрытием для более прозаической, иногда кровавой реальности. Доктрина ограниченного суверенитета, братская помощь правительств в беде и т.д., от поколений к поколениям, язык такого "государства" не может быть принят за чистую монету. Что-то за этим скрывалось, и что это такое, можно было только догадываться.

Язык международной политики был, есть и будет в ближайшем будущем единым с точки зрения обещаний, угроз, обманов, уговоров, или откровенной лжи. Для большого количества людей в регионе манипуляции и ложь есть очевидной частью политики, в том числе и в межгосударственных отношениях. Было бы интересно привести один из тезисов Джона Миршеймера относительно этого вопроса, который заявил, что пока "ложь между государствами является постоянным методом международной политики, она не является достоянием", однако

Один из самых опасных видов международной лжи это когда лидеры врут своим собственным гражданам. Это может принести неприятные последствия и ущерб для стратегической позиции государства, даже больше чем ложь, которую лидеры приподносят другим государствам. Более того, они склонны коррумпировать политическую и социальную жизнь в государстве, которая может принести много негативных последствий в повседневной жизни⁸.

Теории заговора были сделаны частью общественного дискурса представителями старшего поколения, а уж потребителей таких теорий можно найти везде, независимо от возраста, социального статуса, национальной принадлежности и так далее. Их количество на сегодняшний день превышает число тех, кто тратит свое время на чтение научной литературы по МО.

Вместо выводов, позвольте мне утверждать, что это серьезное препятствие для каждого при изучении МО здесь и сейчас. Исключение обсуждения этих вопросов приведет только к ухудшению ситуации. Для того, чтобы поддержать правильный курс, потребуется четкое видение и стратегия относительно всех вопросов, перечисленных выше, от универсальности к лжи в политике.

С английского языка перевела Зинчик Юлия

institute@southeast-europe.org
www.southeast-europe.org

⁷ Галь Фридман - Харви Старр: *Агентства, структуры и международная политика: от онтологии к эмпирическому исследованию*. London, Routledge, 1997, 132.

⁸ Джон Миршеймер. *Почему лгут лидеры? Правда о лжи в международной политике*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2011, 13.

